

Deep Impact

Dmitri Hvorostovsky takes his glorious voice—and some serious sex appeal—to the concert hall.

PHOTO BY NICK WAPLINGTON

Dmitri Hvorostovsky may earn a living singing Verdi arias, but he'll never forget the era when Queen, Led Zeppelin and Deep Purple were the center of his world. Growing up in Siberia during what he calls "the best days of Soviet society," and now at the peak of one of the greatest opera careers of the past few decades, Hvorostovsky opens into a wide, mischievous grin as he recalls taping the forbidden music off the Voice of America.

"My parents used to listen to the radio at night, and I remember waking up to the strange noises caused by all the scrambling," the baritone recounts one winter evening in a dark corner of a London restaurant. "When I reached a certain age, I started taping rock off the radio. There is a taste of liberty in rock 'n' roll, and at school, if you had a collection of that music, you were the coolest."

Luckily for international opera fans, Hvorostovsky outgrew his youthful obsession with anthem rock, though not his long hair. This year, the 41-year-old singer has a long lineup of U.S. performances, including Tchaikovsky's *The Queen of Spades* and Verdi's *La Traviata* at the Metropolitan Opera at the end of February. He'll give recitals in Fort Worth, Los Angeles, San Francisco, Detroit, Miami and New York before returning to Europe to star in the opening night performance at Venice's legendary La Fenice opera house, destroyed by fire in 1996 and newly restored.

Though famous for his velvety lyric baritone and an unusually broad repertoire that encompasses Neapolitan folk songs and liturgical music, Hvorostovsky is also opera's reigning—and perhaps its one and only—hunk. In Korea, where the bulk of his audience is under 19, his concerts are promoted in the teenybopper magazines. At a recent recital in Tokyo, 80 percent of the audience was female—a rarity in a country where men far outnumber women at classical concerts. Even Stateside, Hvorostovsky has the kind of broad appeal usually reserved for Italian tenors. Almost as soon as he burst onto the music scene in the late Eighties, he emerged as that rarest of animals: a classical music pinup, making *People* magazine's "50 Most Beautiful People in the World" list in 1991.

The son of amateur classical singers, Hvorostovsky was crooning at his father's side by age three. Today, critics can't find enough superlatives to describe his warm, dusky voice, his almost superhuman breath control and the swaggering charisma he brings to the stage. In *The New York Times* in 2002, the critic Anne Midgette wrote, "Hvorostovsky's voice retains a sense of raw wildness beneath the sophistication of his artistry. It is, in a word, electric." "Male sexuality incarnate" is how Tim Ashley, music critic at *The Guardian*, described Hvorostovsky's Don Giovanni at London's Barbican Theatre last December. (Indeed, Hvorostovsky is a wonder even offstage: When he swooshed through the double doors of the restaurant, all eyes seemed riveted on his full lips, glossy locks and floor-length chocolate shearling.)

Though famous for his velvety lyric baritone, Hvorostovsky is also opera's reigning—and perhaps its one and only—hunk. Hvorostovsky.org

Dmitri Hvorostovsky at the Bang & Olufsen store in Covent Garden

In his teens, when Hvorostovsky's voice began to break, his father enforced a hiatus from singing for fear that he'd damage his vocal cords. So he taught himself the keyboard instead—a guaranteed magnet for the ladies, he says—moving on to play with a band called Rainbow in the clubs of his hometown of Krasnoyarsk, a polluted, industrial Siberian city of one million. "Even serious classical musicians were moonlighting in restaurants and bars in those days," he recalls. "We were playing disco, that sort of stuff. And Jamaican music."

Once Hvorostovsky's voice had finished changing, he returned to singing and quickly gained a reputation at the local conservatory as a precocious talent.

The turning point came in 1989 when he won the BBC Cardiff Singer of the World competition. "I woke up and I was famous," he says. "That same day I went to London, and people in the street were asking me for autographs. They'd seen me on TV. Then, when I had my first concert in Moscow, the organizers had to call the police and put cordons outside the philharmonic hall." He pauses

and smiles. "It was like Deep Purple had come to Russia to perform."

Hvorostovsky's father wasn't his only musical mentor. As a small child, he entertained his dressmaker grandmother's clients with Russian songs from the World Wars. "She was my best friend," he says. "From her side I learned about folk music and the history of Russia." Hvorostovsky released a collection of those songs last fall called *Where Are You, My Brothers?* "My grandfather was killed in World War II, and every second family in Russia suffered casualties," he says.

The London-based singer, who had a third child last July (his first with his second wife, Florence, a Swiss-born soprano), is back in the studio recording more Russian songs for release later this year. This time he's focusing on the Soviet era, and not by accident. "I sense in Russia a new wave of national pride," he says. "I remember how I felt when I came to the West at the beginning of the Nineties. I was ashamed of being Russian. But Russia is on its way back, and not only because of the wealth but because of hope for the future—the new government and a new way of life. These songs are my hope." —SAMANTHA CONTI

308 MARCH 2004 WWW.WMAGAZINE.COM

Глубокое воздействие

Дмитрий Хворостовский привносит свой великолепный голос и настоящую сексуальную привлекательность в концертный зал

Фото Нука Уоплингтона

Дмитрий Хворостовский может зарабатывать на жизнь, исполняя арии Верди, но он никогда не забудет время, когда центром его мира были Queen, Led Zeppelin и Deep Purple. Выросший в Сибири в лучшие, по его мнению, времена советского общества, и теперь находящийся на пике одной из величайших оперных карьер последних десятилетий, Хворостовский широко и озорно улыбается, вспоминая, как записывал запрещенную музыку с "Голоса Америки".

"Мои родители обычно слушали радио ночью, и я помню, как просыпался от странных звуков, вызванных всей этой возней, — вспоминает баритон в зимний вечер в темном уголке лондонского ресторана: - В определенном возрасте я сам начал записывать рок с радио. В рок-н-ролле есть вкус свободы, и если у тебя была коллекция такой музыки, в школе ты считался самым крутым".

К счастью для поклонников оперы со всего мира, Хворостовский перерос свою юношескую одержимость роком, хотя не расстался с длинными волосами. В этом году у 41-летнего певца длинный список выступлений в США, включая "Пиковую даму" Чайковского и "Травиату" Верди в Метрополитен-опера в конце февраля. Он даст концерты в Форт-Уорте, Лос-Анджелесе, Сан-Франциско, Детройте, Майами и Нью-Йорке, а затем вернется в Европу для участия в дебютном спектакле в разрушенном пожаром в 1996 году и недавно восстановленном легендарном оперном театре Ла Фениче в Венеции.

Известный своим бархатным лирическим баритоном и необычайно широким репертуаром от неаполитанских народных песен до литургической музыки, Хворостовский также является царствующим и, возможно, единственным в своем роде неповторимым красавцем оперы. В Корее, где основная часть его аудитории моложе 19 лет, его концерты рекламируются в молодежных журналах. На его недавнем концерте в Токио 80 процентов зрителей составляли женщины, что является редкостью в стране, где на концертах классической музыки мужчин намного больше, чем женщин. Даже в Штатах Хворостовский пользуется огромной популярностью, обычно характерной для итальянских теноров. Почти сразу после своего появления на сцене в конце 80-х он стал уникальным явлением: плакатным изображением представителей классической музыки, попав в список "50 самых красивых людей мира" по версии журнала "People" в 1991 году.

Сын любителей классического пения, Хворостовский уже в три года подпевал своему отцу. Сегодня критики не могут найти достаточно превосходных степеней для описания его теплого, чувственного голоса, почти сверхчеловеческого контроля дыхания и дерзкого обаяния, с которым он царит на сцене. Критик "The New York Times" Анна Миджett в 2002 году написала: "Голос Хворостовского сохраняет ощущение необузданной дикой силы при всей изысканности его мастерства. Одним словом, он электризирующий." "Воплощение мужской сексуальности," —

так описал музыкальный критик из "The Guardian" Тим Эшли. Дон Жуана в исполнении Хворостовского на сцене лондонского Театра Барбикан в декабре прошлого года. (Действительно, Хворостовский поражает воображение даже вне сцены: когда он пронёсся через двойные двери ресторана, все взгляды, казалось, были прикованы к его чувственным губам, глянцевым волосам и шоколадной дубленке в пол.)

Известный своим бархатым лирическим баритоном, Хворостовский также является царствующим и, возможно, единственным и неповторимым красавцем оперы

В подростковом возрасте, когда голос Хворостовского начал ломаться, его отец настоял на паузе в пении, опасаясь, что он повредит голосовые связки. И он стал играть на клавишниках - что, по его словам, гарантировало внимание девушек, после чего он стал играть в группе под названием "Радуга" в клубах своего родного Красноярск, загрязнённого индустриального сибирского города-миллионника. "В те годы даже серьёзные классические музыканты подрабатывали в ресторанах и барах, - вспоминает он: - Мы играли диско и тому подобные вещи, ямайскую музыку." С окончанием мутации Хворостовский вернулся к пению.

Переломным стал 1989 год, когда он выиграл конкурс BBC в Кардиффе "Певец Мира". "Я проснулся знаменитым," - говорит он: - В тот же день я поехал в Лондон, и люди на улице просили у меня автограф. Они видели меня по телевизору. Потом организаторы моего концерта в Москве были вынуждены вызвать полицию и выставить кордоны у филармонии." Он делает паузу и улыбается: "Это было, как если бы Deep Purple приехали в Россию с концертом."

Не только отец был музыкальным наставником Хворостовского. В детстве он развлекал клиентов своей бабушки-портнихи русскими песнями времён мировых войн. "Она была моим лучшим другом, - говорит он: - От неё я узнавал народную музыку и историю России." Осенью прошлого года Хворостовский выпустил сборник песен под названием "Где же вы, друзья-однопольчане?" "Мой дед погиб во Второй мировой войне, и каждая вторая семья в России понесла потери," - говорит он.

Лондонский певец, в июле прошлого года ставший отцом третьего ребенка (первого от своей второй жены, швейцарской сопрано Флоранс), вернулся в студию для записи новых песен на русском языке, которые будут выпущены в конце этого года. На этот раз он сосредоточился на советской эпохе, и это не случайно. "Я чувствую в России новую волну национальной гордости, — говорит он: - Я помню, как чувствовал себя, когда приехал на Запад в начале девяностых. Быть русским было стыдно. Но Россия возвращается, и не только благодаря богатству, но и благодаря надежде на будущее, на новое правительство и новый образ жизни. Эти песни — моя надежда."

Саманта Конти

Перевод с английского Н.Тимофеева